

Вместо введения

В один весенний день я в очередной раз собрал дорожную сумку и принялся разглядывать карту, раздумывая, куда бы отправиться сегодня. И вдруг услышал голоса, доносившиеся из моего сада.

Мужской голос кричал:

— Становитесь! Вон там! Становитесь!

Молодой женский голос спросил:

— Вот так?

Мужской голос ответил:

— Обопрись немного на него...

Взрослый женский голос велел:

— Смотри на нее. Чтоб сразу видно было, что ты ее любишь.

Я посмотрел сквозь щели жалюзи и увидел большой белый парус, плывущий в красном море моих маков. Я немного приоткрыл жалюзи, и тогда выяснилось, что парус — это свадебное платье, а в нем — невеста: крупная, полная и по-своему даже хорошенькая девушка. Рядом с невестой стоял жених — худощавый, низкорослый парень, очень тщательно причесанный и столь же тщательно недобритый, в белом обтягивающем костюме с бело-золотым галстуком и в белых туфлях с острыми носами. «Странная птица», — как говорили в нашей семье.

Тут же наличествовали два фотографа — неизменные израильские Хаим с видео и Моше с фотокамерой, а также звукооператор, гримерша и две женщины по-

старше — одна большая и одна маленькая, очевидно сватьи. И все они грубо топтали своими ботинками маки, люпин и голубые васильки моего сада.

Я вышел из дома и крикнул:

— Что вы тут делаете?!

Компания уставилась на меня шестнадцатью удивленными глазами.

— Слушай, ты можешь не мешать нам, пожалуйста, а? — сказал один из фотографов.

А второй возмутился:

— Смотри, он даже не понимает, что здесь снимают свадьбу!

— Вы без спроса вошли в мой сад и теперь топчете мои цветы, — сказал я сурово.

— Тебе это тоже кажется садом? — повернулась маленькая сватья к большой.

— Нет, — сказала большая сватья маленькой, — я вижу здесь просто дикую природу.

Тут и жених набрался смелости:

— Мой брат фотографировался здесь две недели назад, — провозгласил он, — и никто ему ничего не сказал.

Я подумал: «Интересно, кто из этих двух женщин его мать? Маленькая, от которой он унаследовал свой росточек? Или большая, из любви к которой он и жену выбрал таких же размеров?»

Удивительная все-таки вещь — сердце человека! Тут грубые чужие ноги топчут его цветы, а ему в голову лезут праздные мысли...

— Совершенно верно, — подтвердила большая сватья слова жениха и ненароком разрешила мои сомнения. — Обоих моих сыновей я женю в один и тот же месяц!

Я сказал:

— Значит, так — через три минуты здесь включится автоматическая поливалка, и тогда вы увидите, дикая здесь природа или мой сад.

В моем саду нет поливалок, но страх за аппаратуру, за косметику, за прически и за наряды подействовал незамедлительно: обе мамыши, молодая пара, фотографы, гримерша, звукооператор — все поспешили исчезнуть, и я вернулся домой, раздувшись от гордости. Не каждый день садовник-любитель вроде меня удостоивается такого признания — чтобы женихи и невесты приезжали издалека фотографироваться именно среди цветов его скромного сада.

Новое место

Дом, в котором я живу, стоит в самом центре этого сада. Я хорошо помню тот день, когда увидел его впервые. Я искал тогда жилье «на природе». Ездил от деревни к деревне и от поселка к поселку, высматривал, заходил в местные лавки, расспрашивал, встречался с руководителями мошавов*, беседовал с папашами и мамашами, секретничал с сыновьями и дочерьми и уже повидал немало подходящих домов. Но этот приглянулся мне с первого взгляда. Маленький, скромный дом, из тех, которые в давние годы называли «сохнутскими»**, небольшая, насмерть высохшая лужайка перед входом, трава и колючки кругом да несколько декоративных и плодовых деревьев, часть которых тоже умирает от жажды.

Дом стоял на склоне. Я спустился и обошел вокруг. И вдруг, подарком, — огромный, распахнутый пейзаж, уходящий в глубокую даль до самого горизонта. Панорама открывалась двумя обработанными полями, на краях которых там и сям торчали зеленые копыя кипа-

* Мошав — вид сельских населенных пунктов в Израиле, действующих на кооперативных началах, но с сохранением индивидуального землепользования и потребления (в отличие от коллективного потребления, свойственного киббуцу). (Здесь и далее — примечание переводчиков.)

** Сохнут — Еврейское агентство для иммигрантов; в частности, на собранные им пожертвования строились дома и общежития для обустройства иммигрантов на первое время.

рисов. Дальше начинались склоны двух лесистых холмов, густо усеянные импрессионистскими пятнами всевозможных оттенков зеленого. Светло-зеленый цвет фаворского дуба чередовался с темной зеленью дуба обыкновенного, между ними кое-где просверкивала блестящая зелень рожкового дерева, ярко выделялся сочный зеленый окрас мастиковой фисташки и тускло проступало слегка выцветшее зеленое одеяние фисташки израильской. А за всем этим зеленым, словно из летней мглы сотканным одеянием Долины из конца в конец горизонта расстирался знакомый хребет — гора Кармель. Какой долины? Не хочу никого обидеть, но в Израиле, когда «Долину» пишут с заглавной буквы, имеют в виду одну-единственную долину — мою, Эмек Изреэль, а в переводе — Изреэльскую долину*.

Я обернулся, чтобы посмотреть на дом и с этой стороны. Участок уходил здесь вниз, под откос, и потому задняя, обращенная к полям часть дома была приподнята на тонких бетонных столбах, так что между полом и землей оставалось небольшое пространство. Кто-то установил там маленький сетчатый загончик для кур. Я заглянул в него и увидел четыре маленьких трупика, покрытых высохшими перьями — такими же высохшими, как и железное корытце рядом с загоном. Этот человек, покидая свое жилище, оставил кур умирать от голода и жажды в их проволочной тюрьме. И все же дом наполнил меня какой-то странной радостью — радостью предчувствия любви, — и даже же-

* Изреэльская долина названа по древнему городу Изреэль, буквально «посет Бог»; тянется от горной гряды Кармель под Хайфой на западе до реки Иордан и отделяет горы Галилеи на севере от гор Самапии на юге; длина около 40 км, максимальная ширина свыше 20 км. Большую часть долины занимают очень плодородные угодья, принадлежащие многочисленным кибуцам, мошавам и нескольким арабским деревням; крупнейший населенный пункт Долины — город Афула.

стокий поступок бывшего хозяина не мог подавить это чувство.

Я осмотрел деревья и кусты вокруг. Старая груша, увядающий лимон, тенистый пекан, два дуба и три фисташковых дерева. Мелия, бегония, большой, жесткий кактус-опунция, который в Израиле называют «сабра». Только свежий куст марихуаны выделялся своей живой зеленью на этом коричневом и желтом фоне. Я даже подивился — кто же это приходит сюда и поливает этот куст с такой преданностью?

Перед самым домом стояли два фиговых дерева, на которых уже завязались первые плоды, но когда я подошел поближе, то увидел маленькие бугорки свежих опилок, окружавшие стволы. Это сулило беду. И действительно, более тщательный осмотр выявил многочисленные отверстия на обоих стволах. Отверстия эти вели в древесные норы, выточенные в деревьях личинками усача-дровосека. Верная примета смерти, которая уже вгрызлась в тела этих фиг и со временем непременно повалит их на землю.

Все увиденное громко возвещало о том, что этот сад потребует долгих раздумий, серьезных приготовлений и большой работы. А я, хоть и тянулся с детства к природе, опыта в садоводстве почти не имел — если не считать опытом наблюдение со стороны сначала за дедушкой, в мошаве Нахалаль, а потом за его дочерью, моей мамой, — в Иерусалиме.

Дедушка владел искусством посадки растений. У себя в мошаве он насадил виноградник, разбил сад и вырастил цитрусовые плантации. Мне нравилось смотреть, как он подрезает и подвязывает виноградные лозы, — точные движения его рук буквально зачаровывали меня. Я был маленький и еще не умел выразить это в словах, но уже тогда я чувствовал, что движения мастера, знатока — самые красивые из движений, таящихся в человеческом теле. Я и сегодня могу бесконечно наблюдать за работой столяра, слесаря,

каменотеса, пекаря, специалиста, подрезающего копыта у коров. Это нравится мне куда больше, чем смотреть на спортсменов или балерин.

Мой дед вырос в семье украинских хасидов, но, когда повзрослел, сменил веру и от служения Богу перешел к служению земле. Однако свои уроки в хедере не забыл: первыми посадил у себя во дворе, возле виноградника, маслину, гранат и смоковницу (она же инжир) — именно те плодовые деревья, что перечислены в Торе среди «семи видов» растений, которыми благословенна Страна Израиля. Ближе к дому он посадил апельсин, грейпфрут, еще два граната и какое-то невероятное дерево, которое одновременно рожало апельсины, лимоны, клементины и вдобавок еще какой-то вид цитрусовых — возможно, тот же грейпфрут, а возможно (в духе наших семейных выдумок) — авокадо или даже помидор. Как бы то ни было, но это дерево вызывало у меня постоянное удивление и даже волнение. А еще больше взволновал меня ответ мамы, когда я спросил ее, как бабушке удалось создать такое чудо. «Он волшебник», — сказала она. Годы спустя я узнал, что все чудо состояло в совершенно обыкновенной прививке на подвое померанца, но к тому времени впечатление от ее ответа глубоко врезалось в мою память и тех пор уже не исчезало.

Мама и сама ухаживала за нашим маленьким садиком в Иерусалиме, где мы жили в районе Кирьят-Моше. Когда мы переехали туда, мне было года четыре. Район был только что построен, деревья и цветы еще не поднялись, и место выглядело, как строительная площадка. Но перед домом, в котором мы жили, была полоска земли, разделенная на маленькие участки, предназначенные для садиков. А дальше начиналась скалистая почва. Мама последовала деяниям отцов*

* «Деяния отцов» — часть известного в иудаизме выражения «Деяния отцов — знамение для потомков».

и сразу же стала осушать болота и поднимать целину, то бишь посадила на нашем участке георгины, хризантемы и фрезии, а также маленькие симпатичные кустики, прозванные в народе «летним кипарисом», — декоративное растение, очень распространенное и обычное в те времена, а сейчас почему-то нигде не попадающееся на глаза. Ко всему этому она добавила традесканцию, или «зебрину висячую», она же «вечный жид» или «блуждающий странник», и эта «зебрина» поспешила покрыть каменный забор, тянувшийся вдоль тротуара, своими розовыми цветочками на свисающих до самой земли стеблях.

Капельниц для поливки в ту пору еще не было и в помине, и мама копала ямки, рыла каналы и поливала свой садик с помощью шланга и лейки. Тогда был такой обычай: завидев шланг, прохожие подходили и просили напиться. Некоторые подносили край шланга к самым губам, другие складывали руку горстью и пили из нее. О первых мама говорила: «Пьют, как городские», — с презрением, характерным для мошавников, — зато вторые, по ее словам, «знают, как пить». У всех мальчишек в нашем районе был тогда в кармане, вместе с ключом от дома, ключ с квадратной головкой — открыть чей-нибудь садовый кран, попить и завернуть кран обратно. Так мы утоляли жажду, когда в полдень возвращались из школы домой. Были такие хозяева, которые встречали нас приветливо, а были и такие, что прогоняли с криками и угрозами.

Позади дома мама разбила еще один маленький садик, совсем другого рода. Там не было ничего, кроме нескольких считанных квадратных метров скалистой почвы, но она привыкла к тяжелой работе еще в мошаве, ей хотелось сеять и высаживать, и она умела это делать. Она привозила землю, тачку за тачкой, с поля, что неподалеку, — сегодня там построены жилые дома и ешива «Мерказ а-рав», — а потом удобряла ее собранным там же навозом от коров, которые жили в

маленьких коровниках, разбросанных по близлежащему Гиват-Шаулю, и паслись возле нашего дома. На этой земле она посадила сливу и гранат, а в расщелины между скалами натолкала луковицы и семена цикламенов. Наш сосед, учитель и натуралист Амоц Коэн, посадил на соседнем участке виноград, окружил его кустами сабр, и постепенно оба эти участка обрели вид небольших ухоженных садов.

Я вспоминал об этом сейчас, снова и снова разглядывая найденный мною дом и окружающую его местность, и сожалел, что со мной нет ни деда, ни мамы, ни соседа, чтобы наставлять меня и делиться опытом. Но через несколько дней, когда я уже купил этот дом и расположился в нем, ко мне в гости пришел один из поселковых стариков, и я нашел в нем «сосуд, полный благословения». Его звали Иосиф Заира, и подобно большинству основателей этой деревни, он тоже был родом из Румынии. Об этом говорили и его прозвище — Пуи, что по-румынски означает «цыпленок».

Несколько лет спустя Пуи ушел в лучший мир. Но я хорошо помню его и ощущаю его отсутствие. Занятый был человек — образованный и насмешливый, сентиментальный и циничный, одаренный художник и большой специалист по плодовым деревьям. Во время наших многочисленных последующих встреч он познакомил меня с несколькими главами из истории «Великой Румынии», как он называл свою любимую родину, научил игре в шеш-беш, в которой творил чудеса, и показал, как нужно пить цуйку*.

А в первый свой приход он принес с собой пилу и велел мне спилить все мертвые ветки лимона.

— Спили все! Не бойся — вырастет заново. Нам бы так вот — снять с себя все, что в нас умерло, в душе и в теле!

Я последовал его указаниям — спилил все и заодно выкопал вокруг лимона большую ямку для полива.

* Цуйка — фруктовая водка у румын и молдаван.

— Диаметр должен быть такой же, как у самого дерева. Не ствола только, а всего дерева, с ветвями.

— Такая широкая? — спросил я.

— Я тебе удивляюсь, — сказал он. — Ведь ты же из семьи земледельцев. Разве тебе не говорили, что дерево растет и внутри земли? Но его подземные ветки — это корни, и оно растет наоборот, не вверх, а вниз! А для этого ему нужна вода, много воды.

И вот так я пилил, и копал, и поливал, и мой лимон действительно воспрял духом: его увядшие было листья ожили и распрямились, к ним добавились новые, он расцвел и ответил мне добром за добро — множественством маленьких, уродливых и самых вкусных лимонов, какие я когда-нибудь ел.

Я скошил и убрал сорняки и колючки, подстриг и полил лужайку, чтобы возродить и ее, а затем посадил живой забор из бугенвиллей, чтобы они отделили меня от улицы. А потом лето кончилось, и миновала осень, и пришла моя первая зима на новом месте. Пошел дождь, и все семена «волчцов и терний», как их называл пророк Исайя, — все эти мальвы, и свинойрой, и все прочее, что наши предки называли бурьяном и терном, а мы теперь даже не знаем, что это было на самом деле, — все это снова проросло. И я почувствовал себя, как Язон, окруженный несметными полчищами врагов, которые буквально на глазах выростали из посеянных в землю зубов дракона. Я понял, что меня ожидает затяжная и тяжелая война, потому что мои враги сильны и упрямы и сдадутся не скоро.

Однако прошло всего несколько недель, и вдруг возле моего дома поднялись и расцвели несколько цикламенов. А чуть подальше неожиданно выглянул одинокий нарцисс. А в садике соседнего с моим дома произошло захватывающее дух событие — там внезапно и разом расцвели сотни красных анемонов, которые окрасили и украсили его и превратили мое северное окно в раму восхитительной картины.

Когда сезон цветения кончился, я попросил у соседа разрешения и собрал в его саду семена этих анемонов. Семена цикламенов я принес с соседнего кладбища, а луковицы гиацинтовой пролески и семена мака, синего василька и люпина — из сада товарища. Семена вьюнка я собрал с тех кустов, что тогда цвели на обочинах шоссе номер шесть, а рассаду шалфея, микромерии и майорана купил в питомнике. Там же я приобрел ладанник голубой и ладанник белый. Знатки называют их «курчавый» и «шафранолистый», но мы, невежды, говорим просто «голубой» и «белый».

Это было начало. С тех пор я добавил в мой сад много других диких растений — одни посеял, другие посадил в виде готовых саженцев. Со временем я приобрел и некоторые навыки в их выращивании. Но до настоящего садовода я так и не дорос. Может, начал слишком поздно, а может — слишком занят был другими делами. Поэтому книга, которую вы открыли, — не руководство и не учебник, ни по ботанике, ни по садоводству. Это всего лишь собрание разрозненных заметок об одном скромном диком саде и об одном садовод-любителе, который обрабатывает и охраняет этот сад, потому что в довольно позднем возрасте нашел себе новое хобби, а может быть — даже новую любовь.

Морской лук

Два растения, которые господствуют сегодня в моем диком саду, каждое в свой сезон, — это морской лук и цикламен. Оба они геофиты, то есть запасают себе пищу под землей, первый — в луковицах, а второй — в клубнях. И оба — растения многолетние, из тех, что год за годом рождают новые листья и раскрывают новые цветы. Цветы у обоих изящные и нежные и в то же время выносливые и долгоживущие. И поскольку